

Univerzita Karlova v Praze

Husitská teologická fakulta

Marina Luptáková

Иконоборческие споры VIII – IX столетия в философской и богословской перспективе

Iconoclastic Controversies of VIII – IX Centuries in Light of the Philosophical and Theological Perspectives

Autoreferát dizertáční práce

Praha 2014

Předkladatel dizertáční práce:

PhDr. Marina Luptáková

Doktorský studijní program:

Teologie

Studijní obor:

Teologie

Školitel:

Prof. ThDr. Jan Lášek, Dr. h. c.

Oponenti

dizertáční

práce:

.....

.....

Obhajoba dizertáční práce se koná dne:

na

před komisí pro obhajobu dizertáční práce

Předsedou komise byl jmenován

Předseda oborové rady: Prof. ThDr. Jan Lášek, Dr. h. c., HTF UK v Praze

Děkan fakulty: Prof. ThDr. Jan Lášek, Dr. h. c., HTF UK v Praze

Иконоборческие споры VIII – IX столетия в философской и богословской перспективе

Аннотация

В диссертации рассматриваются иконоборческие споры VIII – IX столетий в богословской и философской перспективе, причем показывается, что сам спор был прежде всего спором догматическим. Рассматриваются также оригенистские корни иконоборчества, роль чувственных восприятий в «умственном познании», а также методы и приемы иконописания как выражение богословия иконы, разработанной в результате иконоборческих споров.

Ключевые слова

иконаборчество, догматический спор, чувственное познание, богословие иконы

Anotace

Tento dizertáční projekt předkládá problematiku ikonoboreckých sporů VIII – IX století ve filosofické a teologické perspektivě, přičemž samotný spor je interpretován jako spor především dogmatický. Sledované jsou origenistické kořeny ikonoborectví, role smyslového vnímání v kontemplativním poznání a také metody a prostředky ikonomalby jako vyjádření teologie ikony, která právě byla rozpracována v důsledků ikonoborecké polemiky.

Klíčová slova

ikonoborectví, dogmatický spor, smyslové vnímání, teologie ikony

Annotation

This dissertation project presents the problematic of the iconoclastic controversies of VIII – IX centuries in light of the theological and philosophical perspectives. This controversy is viewed here as a dogmatic one. The dissertation focuses also on the originic roots of the iconoclastic controversy, the role of sense perception in the intelligent cognition and also

the methods and means of iconography, which were elaborated mainly as a result of iconoclastic controversy.

Key words

iconoclasm, dogmatic controversy, sense perception, theology of icon

Тема диссертации «Иконоборческие споры VIII-IX в философской и богословской перспективах» не представляет собой только архивный интерес. Иконоборчество есть некий повторяющийся тип мысли, и вопреки тому, что соборными усилиями Отцов оно было побеждено более тысячи лет назад, противление «антропоморфным изображениям» всегда тлеет под покровом более или менее исторически благополучных эпох, неизменно и неизбежно вспыхивая, как только хотя бы одна из составляющих – будь-то социальная, политическая, экономическая, военная, культурная и др. - этого хрупкого равновесного состояния повреждается, и в образовавшуюся брешь вырывается, полыхая, разрушительная энергия иконоборчества. Так было в эпоху Реформации и «во времена» Бисмарка; в нацистской Германии и большевистском СССР – и мы и в будущем не застрахованы от этих повторяющихся эксцессов. Поэтому важно попытаться разобраться в истинных причинах этой устойчивой «умонастроенческой и мыслечувственной» установки.

Вопреки тому, что иконоборческие споры в Византии VIII – IX вв. долгое время рассматривались как перифирийный этап в развитии патристики, как споры об обрядах или вопросы «свободного церковного искусства», уже к началу XX столетия – и по сей день – они стали предметом острых дискуссий и постепенно уясняется их органическая связь с предшествующим богословским развитием, их значимость как одного из этапов формирования православного учения. Можно предполагать, как правильно замечает В. Живов, что в этих спорах нашли свое решение антропологические «вопрошания», как бы «освободившиеся» после соборного согласования и построения троичной и христологической проблематики.

В настоящее время, хотя иконоборческие споры и привлекают сугубое внимание исследователей и до определенной степени находятся в центре научных интересов, лишь в считанных работах, рассматривающих эту проблематику, преодолеваются установленные искусствоведением и исторической наукой «дозволенные рамки» изучения и осуществляется попытка расплести клубок богословских идей.

Сразу после публикации работы Георгия Острогорского «Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества», вышедшей в свет в *Seminarium Kondakovianum I* в Праге в 1927 г., большинство исследователей начало рассматривать иконоборчество в контексте христологических споров и связанных с ними первостепенного вопроса о

Воплощении как соединении человеческой и Божественной природ во Христе. Однако, в конце прошлого столетия этот, уже казалось бы «окончательный подход», был подвергнут сомнению в работе (кандидатской диссертации) Николая Сахарова «О причинах иконоборческих споров согласно трактату преподобного Иоанна Дамаскина “Первое защитительное слово против отвергающих святыне иконы”», в которой основная роль в иконоборческой полемике была отведена вопросу о различном понимании статуса материи двумя спорящими сторонами: иконоборцами и иконопочитателями.

Впрочем, уже с 70-х гг. ушедшего века настал резкий поворот в изучении истории иконоборческих споров, и эта перемена одновременно затронула два измерения: расширение и систематизацию малоизвестных и не учтенных до того источников (особенно в работах «живого классика и столпа современной патрологии христианского Востока» Стефана Геро) и изучение богословия иконопочитателей в его историческом контексте, что стало возможным благодаря возобновлению исследований богословия Максима Исповедника. Именно тогда появилась итоговая монография кардинала Schönborn Ch. «Die Christus-Ikone. Eine theologische Hinführung», которая до сих пор считается наилучшим «посвящением» в иконоборческую проблематику.

Богословские истоки возникшего противостояния невозможно правильно понять без учета общего контекста богословских споров предшествовавшей им эпохи, которую в кругах посвященных и просвещенных исследователей принято называть «эпохой св. Максима Исповедника», так как тот богословский синтез, который осуществил Максим в VII веке, стал «новой философской онтологией». Именно Максим Исповедник обобщил и сделал прозрачными понятия, без которых невозможно проникнуть в суть образа и изображаемого – в икону. «Наступление» св. Максима – как засвидетельствовала впоследствии история – охватывало одновременно несколько направлений, по которым, столетия спустя, и повели иконопочитатели свою защиту священных изображений.

Во-первых, как показал Максим, нет непреодолимого разрыва (на котором настаивали спиритуалисты – оригенисты – иконоборцы) между нематериальным Божеством и материей, между Его духовностью и нашей телесностью, и Бог может соединяться с материей-телом и без посредничающего принципа (души Христа, как верили иконоборцы) : сама материя может стать проводником божественных энергий и быть проницаемой для благодати. Эту обоженную телесность и являют иконы.

Во-вторых, икона имеет познавательную функцию – что опять-таки подвергали сомнению иконоборцы – будучи категорией чувственной, логической и умной красоты, т. е. универсально-эмпирического знания, связанной с личным динамическим отношением и участием, с причастностью к познаваемому (Хр. Яннарас). В отличие от иконоборцев, лишаящих зрение права на познание истины и отдавая предпочтение слуху как более «духовному и умному» когнитивному инструменту, защитники

иконопочитания – особенно Иоанн Дамаскин, опирающийся в своих построениях на труды св. Максима – сумели доказать, что ум как раз и представляет собой способность умозрения, т. е. видения истины. Рассматриваемая в этой перспективе продолжительная борьба на протяжении восьмого и девятого столетий за место икон в церкви вращалась вокруг вопроса о возможности реального присутствия истины Воплощения в форме иконы. Более того, патристическая мысль в лице защитников икон сумела отстоять тот факт, что Воплощение сделало не только возможным, но и неминуемым понимание истины как иконы (особенно эта тема развивается в современном греческом богословии).

В-третьих, сам познавательный, эпистемологический аспект учения преп. Максима следует рассматривать, вслед за ним самим, в значении внутренней связи с Истиной, т. е. с Богом, как завершение ведения о Боге и о вещах божественных, какое только доступно людям – и наша «телесность», коей мы являемся носителями, не только не препятствует нашему познанию, но наоборот, и мысленный образ, и представления, и другие ощущения являются неотъемлемой основой всей нашей деятельности (это положение раскрывает в своих трудах в защиту иконопочитания преп. Иоанн Дамаскин).

Если попытаться свести суть иконоборческой полемики к краткой формуле, то можно сказать, что защитники икон отстаивали право на видение мира в иконной перспективе, в его личностном измерении, предполагающим несводимость человека к его природе, а окружающих человека творений – к «вещности», к тому, чтобы быть приговоренными рассудочными капризными «субъектами» стать всего лишь рабскими «объектами» их изучения и манипуляции. Но если истина – иконна по своей «задуманной природе», то и наше познание – всегда и прежде всего лично, т. е. неповторима та «проба» нашей личности, которую каждый из нас ставит на одних и тех же – или даже все тех же – материалах и фактах, которые мы вновь и вновь исследуем.

Иными словами, важно и ново не то «вещное» Что («чтойность», как назвал этот аспект А. Лосев) мы исследуем, а Как мы исследуем, ибо «как» - и является приметой несравненного и неповторимого личностного подхода.

Иконографические приемы, найденные византийскими изографами, и богословие иконы, разработанное в трудах византийских мыслителей (и тех, и других Церковь канонизировала) как раз и свидетельствуют об этом личностном способе познания и переживания, которое каждый как свой посильный дар приносит на алтарь науки.

Когда несколько лет назад я начинала работать над темой своей диссертации «Иконоборческие споры VIII-IX столетий в философской и богословской перспективах», я поняла, что идти в кильватере за многочисленным сонмом маститых специалистов, всесторонне изучивших этот вопрос до меня, значит навсегда остаться «в отстающих» и в лучшем случае просто отстраненно пересказать – компилировать их заключения. На

«мою тему» написано тысячи работ и сотни диссертаций на разных языках (я натолкнулась даже на одну диссертацию на китайском языке). Научная честность, с одной стороны, «обрекает на смирение» - нельзя объять необъятное, а с другой стороны, «потакает гордыне» - все ведь «до-авторы» были в таком же положении... И только личностная позиция, на которой безусловно обрели себя и большинство моих коллег, помогает совершить дерзновенный прорыв: попытаться хаос «позитивных фактов» и их многочисленных интерпретаций («что» науки) поместить в магнитное поле своего отношения, своей причастности, даже пристрастности («как» науки) – уже не к теме, а к ее «историческим носителям»: императорам, патриархам, мученикам, богословам, историкам – воипостазировавшим в своей личности все перипетии борьбы за икону. Такой личностный магнит и выстраивает в неповторимую конфигурацию все разбросанные по разным источникам имена и факты, претворяя их в событие личного неповторимого общения-познания.

Это, наверное, и есть тот «новый вклад», который ожидается от каждого автора.

В своей диссертации я поставила ряд вопросов, на которые, как мне кажется, удалось ответить – конечно, не исчерпывающим образом.

Во-первых, была поставлена под сомнение теория о внешних влияниях, якобы сыгравших роковую роль в возникновении иконоборчества.

Внешние причины (сирийское происхождение Льва Исавра, влияние иудаизма и ислама, ересь монофизитов и пр.) имели лишь сопутствующее, сопроводительное влияние, окрашивающее в «исторические тона» подлинный богословский фон спора об иконах. Небольшой «вложенный этюд» о разрушении иконы Христа в Халки как начале гонений на иконы и их почитателей завершает тему о внешних влияниях.

Далее, гипотеза, высказанная Сахаровым, что настоящей подоплекой иконоборческой полемики был «статус материи», была поддержана аргументами из «Слова против порицающих святыне иконы или изображения» Иоанна Дамаскина – главного защитника иконопочитания в первый период иконоборчества. В различном понимании статуса материи и чувственных восприятий и заключалась сущность спора между иконоборцами и иконопочитателями, а их защита состояла в оправдании чувственных образов и в подчеркивании ценности зрения в обретении подлинного познания. С апологией чувственного и материального мы и встречаемся в *Слове* Иоанна Дамаскина: в поклонении иконам нет никакого противоречия между умозрительным и чувственным, «ибо как книга для тех, кто посвящен в буквы, образ для тех – кто неграмотен; и как слово для слуха, образ для зрения, мы соединяемся с ним умственно»¹. Дополнительные факты были предложены в доказательство ценности и когнитивной функции зрения в частности, и чувственного познания вообще – иконоборцы отдавали предпочтение слуховому восприятию как более духовному, а

¹Слово I, 17; Hrsg Kotter. s. 93. 1-8.Cf

потому единственно допустимому «органу чувств», способному подавать свидетельство о вещах духовных.

Далее мы раскрыли положения Иоанна Дамаскина, в которых он показал, что умственное поклонение Богу, на котором так настаивали иконоборцы, не только предполагает зрительное восприятие изображения с использованием способностей человеческого ума, но особо подчеркивает, что чувства и образы – вообще чувственно воспринимаемое – служат неотъемлемой и незаменимой предпосылкой человеческого познания и основой любой умственной деятельности.

Особое внимание было уделено оригенистским корням иконоборчества. Впервые гипотезу о связи ереси иконоборчества с оригенизмом высказал о. Георгий Флоровский в работе 1929 г. «Противоречия оригенизма». Флоровский говорит об оригенизме как о некоем повторяющемся типе мысли, и в иконоборческих спорах в первую очередь речь шла о проблеме, которую имел в виду Ориген, а именно: можно ли воспроизвести подлинный образ Христа «мертвыми и безжизненными красками и рисунками?»². Его земной образ по Воскресении, который Он в предвосхищении открыл Своим ученикам и они, как мы помним, не могли взирать на Него – стал преображенным, бессмертным, неразрушимым. Прежний вид Его облекся в несказанное великолепие, неизреченный свет, недоступный для человеческого глаза – как же можно написать икону этого чудесного и непостижимого вида, кто дерзнет изображать неизобразимое? По сути эта установка была лишь эстетической сублимацией обостренного отвращения к материи, свойственной иконоборческому мышлению и переданной ему по наследству «Отцом всех Отцов и Отцом всех еретиков»³ Оригеном.

С тех пор эта гипотеза то подтверждалась, то опровергалась (напр. в работах Геро) рядом исследователей. В защиту этого предположения я привлекла новейшие исследования В. Баранова, который сам исходил из учения Леонтия Византийского, реконструированного Эвансом. В ходе работы, однако, выяснилось, что новым исследователям (Дэйли, Грильмайер) эванская реконструкция кажется ошибочной – тем не менее, «подозрение в оригенизме» не было окончательно снято и доводы как Флоровского, так и Баранова остаются в силе.

Проблематика оригенизма как возможной богословской причине иконоборчества вплотную приводит к вопросу о христологической ориентации в молитве. Это в свою очередь, хотя и не напрямую, связано с учением иконоборцев о неопишемом теле Христа после Воскресения и о необходимости наличия души-посредницы между человеческими и Божественными природами в Воплощении. Учение иконоборцев о безобразной молитве и исторические реминисценции с антропоморфистскими спорами рассматриваются автором в отдельной главе.

² PG 20, колл. 1545C

³ bishop Chrysostomas, private letter

Отточенное в ходе иконоборческой полемики богословие иконы нашло свое выражение в «секретах ремесла» иконописцев – не случайно иконописание отныне называется «богословием в красках». К тому же, иконописные приемы – такие, как нарочитые нарушения соразмерности, изменения угла разворота фигур, искажения определенных соотношений частей целого между собой и другие – служили также средством визуальной полемики в эпоху победы над иконоборчеством. Эти аспекты также изложены в отдельной главе.

Заключительный аккорд – своеобразный гимн ипостасному измерению мира. Личность-икона показывается как конституирующий принцип Творения. Ипостась, лик, личность видится как динамическое преодоление индивидуальности, которая для иконописцев всех времен и народов была единственной реальностью, неподвластной тлению и смерти. В иконе выражен именно тот личностный, «иконный» способ существования, которым является любовь, общение и взаимоотношения – тот единственный способ, который делает нашу неповторимость и свободу фактом жизни и ее ликом, иконой.

Post scriptum посвящен преломлению богословия иконы в работах современных (20 столетие) философов и богословов, писавших по-русски.

Summary

The topic of this dissertation “Iconoclastic Controversies of VIII-IX Centuries in Light of the Philosophical and Theological Perspectives” reflects a more significant concern than a merely archival one. Even though iconoclasm had been overcome by the conciliar efforts of the Church Fathers more than a thousand years ago, it has managed to persist as a certain recurring type of thought always glowing under the mantle of historically more or less well-to-do epochs in the form of resistance to the “anthropomorphic representation” that constantly and inevitably explodes as soon as one of the constituents (whether social, political, economic, military, or cultural, etc.) of this fragile state of balance becomes damaged. Whenever this happens, the newly created gap becomes filled up by the blazing breaking in of the destructive energy of iconoclasm. This was the case during the Reformation epoch and in the “time” of Otto von Bismarck, as well as in the period of Nazi Germany and the era of the Former Soviet Union under the so-called Bolsheviks. There is no guarantee that the same excesses will not repeat in our time or in the future. For this reason, it is important to attempt an analysis of the precise causes that support such a persistent mood of “mind and ratio-sensuality”.

This work offers a consistent analysis of a number of major theses. First of all, it argues that the iconoclasm was primarily a dogmatic controversy, while the external effects (ranging from the geographical factors to the linguistic ones) played a secondary role. In addition, this work refutes the views of several contemporary authors who refuse to admit the destruction of "Christ of the Chalke" icon that marked visibly the commencement of persecutions of those who defended the icons. Furthermore, this work establishes new evidence for the Origenistic roots of the iconoclastic controversy and demonstrates the fact that the iconoclasts resisted to acknowledge the "mystery of matter", or corporeity, as well as rejected the sense perception (especially the visual one) as incapable of penetrating into the spiritual realm. Against this approach, the iconophiles put forth a nuanced teaching about the "intelligent perception" that embraced the use of senses and thus created a new epistemology (Maximus the Confessor, John of Damascus) in which the sense perception was considered to be a symbol of the intelligent perception.

After being elaborated during the period of iconoclasm, the theology of icon became the basis for the "theology in color", or iconography. The image captured in the icon represents the ontological portrait, the transformed nature enhypostasized into the saint's person and displaying the icon-type of personal mode of existence constituted of love, fellowship and relationships.

Избранная библиография к теме

Св. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святых иконы или изображения. Пер. Александр Бронзов. Сергиев Посад, 1993 (репринт издания: СПб., 1893).

Преподобный Максим Исповедник. Мистагогия V / Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. М., 1993. С. 165.

Auzépy M.-F. La destruction de l'icône du Christ de la Chalce par Léon III: propagande ou réalité? // Byzantion 60 (1990). С. 445–492.

Baranov V. – Lourié B. The Role of Christ's Soul-Mediator in the Iconoclastic Christology // Origeniana Nona. Origen and the Religious Practice of His Time. Papers of the 9th International Origen Congress (Pécs, Hungary, 29 August – 2 September 2005). Eds. G. Heidl – R. Somos. Leuven: Peeters, 2009. С. 403–411.

Baranov V. Origen and the Iconoclastic Controversy // *Origeniana Octava* Origen and the Alexandrian Tradition *Origene e la Tradizione Alessandrina*. Papers of the 8th International Origen Congress, Pisa, 27–31 August 2001. Ed. By L. Perrone in collaboration with P. Bernardino and D. Marchini. Volume II, Leuven, 2003.

Crouzel H. Théologie de l'Image de Dieu chez Origène. Paris, 1956

Evdokimov P. L'art de l'icône. Theologie de la beauté. Desclée De Brouwer, 1970.

Florovsky G. Origen, Eusebius, and the Iconoclastic Controversy // *Church History* XIX (1950). C. 77–96.

Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantin V with particular attention to the orient sources. Louvain, 1977. C. 1–191.

Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with particular attention to the oriental sources. Louvain, 1973. (*Corpus scriptorum Christianorum Orientalium*. Vol. 346. *Subsidia* 41. C. 81).

Mondzain M.-J. Image, icône, économie Les sources byzantines de l'imaginaire contemporain. Paris, 1996.

Řoutil M. Objevování ruské ikony v 19. a 20 století. Sběratelé, mecenáši, restaurátoři a kunsthistorici ve službách umění / Ikona v ruském myšlení 20. století. Sborník statí a studií. Сост. Lášek J. B., Luptáková M., Řoutil M. Červený Kostelec, 2011. C. 387–437.

Sherwood P. Maximus and Origenism. ΑΡΧΙ ΚΑΙ ΤΕΛΟΣ // *Berichte zum XI International Byzantinischen Kongress*. München, 1958 (III, 1). C. 1–26.

Schönborn Ch. Die Christus-Ikone. Eine theologische Hinführung. Schaffhausen, 1984

Баранов В. Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки // *История и теория культуры в вузовском образовании. Межвузовский сборник научных трудов*. Новосибирск, 2004.

Баранов В. Образ в контексте эпистемологических подходов иконоборцев и иконопочитателей // *AKADEMEIA: материалы и исследования по истории платонизма* 5 (2003). С. 390–407.

Василик В. ΟΠΤΙΚΟΙ ΑΚΤΙΝΕΣ в контексте антииконоборческой полемики (об одной античной реминисценции в XVII гомилии патриарха Фотия // *Литургия, архитектура и искусство византийского мира. Богословие. Философия. Словесность. Труды высшей религиозно-философской школы.* СПб., 2000. Т.V.

Сахаров Н. О причинах иконоборческих споров согласно трактату преподобного Иоанна Дамаскина «Первое защитительное слово против отвергающих святые иконы» // *Альфа и Омега* 2 (28). М., 2001

Флоровский Г.В. Противоречия оригенизма // *Путь* 18 (1929), сентябрь. С. 107–115.

Хоружий С. Визуальный опыт в его отношении к исихастской практике. // *Исследования по исихастской традиции.* СПб., 2012. Т. 2.

Список публикаций, относящихся к теме диссертации

Марина Луптакова От маски к личности. Изображение осуществленного человечества в иконе *Byzantinoslavica* 1-2 LXVIII 2010, ss. 11-40 ISSN 0007-7712

Luptáková Marina Od masky k osobě. Zobrazení naplněného lidství v ikoně. Ikona v ruském myšlení 20. století. Pavel Mervart, Červený Kostelec 2011. ISBN 978-80-87378-98

ЛУПТАКОВА МАРИНА, МИХАЛ РЖОУТИЛ Святые иконы под знаком рассудочности и в тисках рациональности. Anne Karahan *Byzantine Holy Images – Transcendence and Immanence. The Theological Background of the Iconography and Aesthetics of the Chora Church. Études critiques.* In: *Byzantinoslavica* LXXI 2013 1-3. p. 345-315. ISSN 0007 -7712

ЛУПТАКОВÁ М., ŘOUTIL M. „Атонская смута“ а počátky imjaslavských sporů aneb zamýšlení nad novými publikacemi na stále aktuální téma In: *Parrésia*, 4, 2010. S. 369-377. ISBN 978-80-87378-84-7; ISSN 1802- 8209

Исихазм. Аннотированная библиография, п/р. С. Хоружий, Москва, 2004, ISBN: 5-94625-090-6 (*Luptáková, M., Řoutil, M.*) – *Parrésia*, 1/ 2007, s. 289-292

Νουχασμος. Исихазм. Аннотированная библиография, п/р. С. Хоружий, Москва, 2004, ISBN: 5-94625-090-6 (Luptáková, M., Řoutil, M.) BYZANTINOSLAVICA, revue internationale des études byzantines LXVI 2008 1-2, Praha, Slovanský Ústav, ISSN 0007-7712, s. 382-386.

Восточнохристианские реликвии п/р Лидова

И. А. Шалина Реликвии в восточнохристианской иконографии (Luptáková M., Řoutil, M.) BYZANTINOSLAVICA, revue internationale des études byzantines LXVII 2009 1-2, Praha, Slovanský Ústav, ISSN 0007-7712, s.

Luptáková M., Řoutil M. Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850: history // *Parrésia. Revue pro východní křesťanství VII* (2013). С. 566–573.